ОЧЕРК СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ РОССИЙСКОЙ ДОКТРИНЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Толстых Владислав Леонидович
Доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права
Новосибирского государственного университета,
главный научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН (Новосибирск),
e-mail: vlt73@mail.ru

Автор рассматривает состояние современной российской доктрины международного права и констатирует проявления ее кризиса. Среди них – отсутствие собственной идеологической основы, монополия волюнтаризма, сосредоточенность на анализе договорных источников, низкий уровень аргументации, немногочисленность оригинальных разработок, институциональная деградация, тематический дисбаланс и др. Кризис доктрины обусловлен различными причинами, в том числе глобальными трансформациями, общим упадком интеллектуальной сферы, неэффективной образовательной политикой. В этих условиях и отдельные ученые, научная корпорация в целом должны проявлять повышенную ответственность, добросовестность и внимание.

Ключевые слова: международное право, доктрина, юридическая наука, право Евразийского экономического союза

THE CURRENT STATE OF THE RUSSIAN DOCTRINE OF INTERNATIONAL LAW: AN ESSAY

Tolstykh Vladislav
Novosibirsk State University, Institute of Philosophy and Law
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk),
e-mail: vlt73@mail.ru

The author considers the current state of the Russian doctrine of international law and notes manifestations of its crisis. Among them, there are the lack of own ideological foundations, monopoly of voluntarism, focus on the analysis of treaty sources, poor reasoning, scarcity of original works, institutional degradation, thematic imbalances, etc. The crisis of doctrine is caused by various reasons relating to global transformations, general decline of the intellectual sphere, ineffective education policy. Under these conditions, any individual scientist or scientific corporation as a whole must demonstrate their special responsibility, conscientiousness and attention.

Key words: international law, doctrine, legal science, law of the Eurasian Economic Union

Советская доктрина международного права, помимо заимствуемой у Запада догматической формы, имела собственное идеологическое (политическое) содержание, основанное на марксистско-ленинском учении и противоположное либеральному содержанию западной доктрины. Используя терминологию, предложенную Д. Кеннеди[1], можно сказать, что советская доктрина формулировала собственные «мягкие»

[1] Д. Кеннеди определяет «жесткие» аргументы как предполагающие подчинение норме в силу согласия государства, а «мягкие» – как предполагающие подчинение норме на основе принципов справедливости. Данные аргументы исключают друг друга («мягкий» аргумент обязывает, только преодолевая согласие). Одновременное использование «жестких» и «мягких» аргументов обеспечивает независимость юридиче-

аргументы и благодаря этому избегала связанности «мягкими» аргументами западной доктрины и претендующими на универсальность «жесткими» аргументами. Например, отрицание юрисдикции международных судов обосновывалось тезисом об идеологической предвзятости западных судей, а неучастие в международных экономических институтах – империалистическим характером используемых ими рецептов экономической помощи.

После поражения в «холодной войне» отечественная доктрина отказалась от собственной идеологии и была вынуждена заимствовать идеологию бывших противников. Это повлекло ряд неблагоприятных последствий. *Во-первых*, новые идеи вступили в конфликт с сохранившимися элементами старой идеологии – в итоге отечественная теория международного права стала внутренне противоречивой. *Во-вторых*, новые идеи не были заимствованы во всей своей полноте: некоторые были упрощены до уровня лозунгов, другие – проигнорированы, третьи – извращены; в результате, будучи перенесенными на отечественную почву, они оказались неспособны обеспечить высокий уровень правовой риторики. *В-третьих*, российская доктрина так и не стала полноправным участником западной дискурсивной практики[1], в рамках которой вырабатываются новые идеи, поэтому она не влияет на их содержание, порой вступающее в конфликт с национальными интересами России.

В целом переход к западной идеологии ознаменовал утрату отечественной доктриной самостоятельного статуса и превращение ее в периферийную ветвь западной доктрины.

«Жесткие» аргументы российской доктрины довольно однородны: они отражают главным образом постулаты волюнтаризма, сформулированные в конце XIX – начале XX в. (Г. Еллинек, Д. Анцилотти и др.). Эти постулаты в свое время были творчески переработаны представителями советской доктрины, прежде всего Г. И. Тункиным. Ключевой волюнтаристской идеей является производность международного права от индивидуальной государственной воли; критерий происхождения позволяет определить норму как существующую или несуществующую. Волюнтаризм может работать лишь в том международном сообществе, где государства играют главную роль, – сообщество эпохи «холодной войны» было именно таким. Современное сообщество, однако, другое – его активными субъектами помимо государств выступают наднациональные структуры и неправительственные организации, влияние которых постоянно растет по мере того, как ослабевает влияние государств. К такому положению вещей можно относиться по-разному, однако оно имеет место.

Новая реальность обосновывается в рамках новых подходов, которые часто, прямо не оппонируя волюнтаризму, заостряют внимание на игнорируемых им аспектах. Среди них – концепция глобального управления (Дж. Розенау), нормативизм (Г. Кельзен), аналитическая школа (Г. Харт), правовой реализм (Г. Моргентау), структурализм (Д. Кеннеди, М. Коскенниеми), неонатурализм (Ф. Аллот); международное конституционное право (А. Петерс, А. фон Богданди) и др. Все эти подходы по большому счету незнакомы отечественной доктрине и не обсуждаются ею. Негативными

ского дискурса. Правовые доктрины формируются не путем выбора между «жесткими» и «мягкими» аргументами, а путем установления баланса между ними (*Kennedy D.* International legal structures. Baden-Baden, 1987).

[1] Этот термин, согласно М. Фуко, означает «совокупность анонимных, исторических, всегда детерминированных во времени и пространстве правил, которые в данную эпоху и для данного социального, экономического, географического или лингвистического сектора определили условия осуществления функции высказывания» (*Фуко М.* Археология знания. СПб., 2004. С. 227–228).

следствиями монополии волюнтаризма являются, *во-первых*, догматическая слабость доктрины и ее неспособность к полемике с неволюнтаристскими концепциями; *во-вторых*, оторванность доктрины от общественных отношений и, как результат, ее практическая неэффективность.

Российская доктрина, ограниченная волюнтаристскими рамками, сосредоточивается на анализе крупных *договорных* источников. Отечественные авторы настороженно относятся к международному *обычаю*: признавая его существование, они предпочитают не работать с ним. Многие воспринимают его как вспомогательный источник, значение которого близко к значению обычая делового оборота в гражданском праве. Обращение к *общим принципам* права цивилизованных наций еще более проблематично: чаще всего они неверно отождествляются с принципами международного права[1], иногда – с нормами *jus cogens*. *Судебная практика* долгое время вызывала глубокое недоверие; в подавляющем большинстве монографий и учебников она продолжает игнорироваться. В последние годы здесь, однако, произошли качественные изменения (прежде всего благодаря усилиям А. С. Смбатян, А. С. Исполинова, И. В. Рачкова и авторов, связанных с журналом «Международное правосудие»). Феномен *мягкого права* в целом признается, но его исследования, как правило, не выходят за пределы рассмотрения проблемы его существования.

Результатами такого избирательного отношения к источникам выступают: *во-первых*, отсутствие научной методологии описания институтов, состоящих из недоговорных норм (признание, правопреемство, ответственность и др.); *во-вторых*, отсутствие обоснованной позиции по практическим проблемам, выходящим за рамки договорного регулирования (примером может служить недавний вопрос о вхождении Крыма в состав России); *в-третьих*, отсутствие координации и взаимодействия между недоговорными источниками и внутренним порядком (отсюда трудности, связанные с толкованием ч. 4 ст. 15 Конституции РФ); *в-четвертых*, пассивное отношение к процессам формирования недоговорных источников; *в-пятых*, неполный анализ договорных источников.

Уровень аргументации отечественной доктрины по сравнению с уровнем аргументации западной доктрины можно назвать низким. Основные его недостатки: неразвитость техник интенционального, лингвистического и телеологического толкования; неумение выстраивать связи между элементами правовой системы (толкования, вытеснения, дополнения, иерархии и др.); неумение оперировать базовыми правовыми категориями («воля», «субъект», «акт» и др.); подчиненность правового дискурса политическим установкам; невнимание к историческим, политологическим и культурологическим аспектам права. Правовой аргумент часто формулируется как прямой и очевидный вывод из нормы, не развивающий ее содержание, либо как умозрительное высказывание, не основанное на твердых посылках. Хорошим примером в этом смысле служит практика постсоветских международных судов: в то время как для решений Экономического суда СНГ характерна первая крайность

[1] Возможно, первым такой подход обозначил В. М. Корецкий: «К каким же выводам можно прийти относительно значения „общих принципов права“ в международном праве? Казалось бы ясным, что в международном праве они должны выражать общие (основные) принципы международного права... Если толковать выражение „общие принципы права“ в том смысле, что они дают обобщение принципов внутреннего права, то пришлось бы признать: Международный суд не должен считаться с основными принципами международного права, ибо статья 38 не упоминает – среди возможных источников международного права – иных принципов, кроме „общих принципов права“» («Общие принципы права» в международном праве // *Корецкий В. М.* Избранные труды: в 2 кн. Киев, 1989. Кн. 2. С. 194–195).

(очевидность), решениям Суда ЕАЭС присуща вторая крайность (необоснованность). То же касается отечественных учебников, содержание которых в отличие от содержания западных учебников носит преимущественно справочный, а не аналитический характер: проблема в лучшем случае констатируется, но не раскрывается и не решается.

Не владея необходимым инструментарием, доктрина, *во-первых*, оказывается неспособной к осмыслению теоретических закономерностей и выстраиванию позиции в правовых спорах (не случайно почти во всех межгосударственных процессах с участием России ее интересы представляют иностранные юристы); *во-вторых,* стремится выйти за пределы правового дискурса и использовать неправовые аргументы (апеллировать к истории, политическому конфликту, предвзятости оппонента, неважности вопроса и пр.); *в-третьих,* превращается в ритуал, оторванный от реальности, метод психологической разгрузки, оправдывающий собственное бессилие в избегаемом риторическом поединке.

Оригинальных и самостоятельных российских исследований немного. *Во-первых*, это продолжающиеся разработки советской доктрины, касающиеся права договоров, дипломатического права, соотношения права и политики, деятельности ООН и др. Как отмечалось, многие из них уже неадекватны реальности. *Во-вторых*, это работы К. А. Бекяшева, А. Н. Вылегжанина, С. А. Гуреева, В. Н. Гуцуляка, А. А. Ковалева, А. Л. Колодкина и др. по морскому праву; помимо названных работ, влияние российской доктрины в данной сфере обусловлено председательством в Международном трибунале по морскому праву В. В. Голицына, богатым опытом «морских» споров с участием России[1], большой площадью прилегающих морских пространств, спецификой российских интересов в отношении Арктики. К сожалению, доктринальная активность в этой сфере не сопровождается значительными дипломатическими или судебными успехами. *В-третьих*, это немногочисленные критические исследования (труды Г. М. Вельяминова по международному экономическому праву и А. Б. Мезяева по международному уголовному праву). *В-четвертых*, некоторые исследования историко-правового характера (работы Л. Л. Кофанова по истории *jus gentium*).

Остальные разработки отечественной науки сводятся в лучшем случае к адекватному воспроизводству современных западных подходов (экономическое, экологическое, европейское, международное гуманитарное право); в худшем – к созданию псевдонаучного дискурса (большинство работ по праву ЕАЭС) или заимствованию конституционно-правовых или теоретико-правовых концепций, часто не соответствующих природе международного права. Крайне остро стоит проблема дефицита серьезных исследований в области теории, истории и философии международного права – то, что историей российской науки занимаются не отечественные авторы, а эстонский профессор Л. Мялксоо[2], кажется парадоксом.

Основой отечественного подхода к решению вопроса о соотношении международного и внутреннего права является классический дуализм Г. Трипеля и Д. Анцилотти. Наиболее квалифицированным отечественным дуалистом можно назвать С. В. Чер-

[1] Подробнее см.: решения Международного трибунала ООН по морскому праву по делам «Волга» *(«Россия против Австралии»)* от 23 декабря 2002 г., «Хошинмару» *(«Япония против России»)* от 6 августа 2007 г., «Томимару» *(«Япония против России»)* от 6 августа 2007 г.; «Arctic Sunrise» *(«Голландия против России»)* от 22 ноября 2013 г.; решение арбитражного суда по делу «Arctic Sunrise» от 14 августа 2015 г.

[2] *Mälksoo L.* Russian Approaches to International Law. Oxford, 2015.

ниченко. Исключение из общего правила составляют труды тяготеющих к монизму Г. В. Игнатенко и И. П. Блищенко. Академический дуализм, однако, мало влияет на позицию законодателя. И ст. 15 Конституции, и документы, подписанные в связи с присоединением к ВТО, свидетельствуют, скорее, в пользу монизма (прямое действие договоров, их определение как части правовой системы, их приоритет перед законами). Вместе с тем Конституционный Суд РФ проводит дуалистическую линию и стремится утвердить приоритет норм Конституции перед положениями договоров и свое право контролировать исполнение решений ЕСПЧ. В итоге между тремя уровнями дискурса (академическим, законодательным и судебным) возникает напряжение, не способствующее прояснению ситуации.

Другая проблема состоит в том, что многие позиции о соотношении международного и внутреннего права формулируются конституционалистами, порой плохо разбирающимися в международном праве. Примерами могут служить некорректное толкование понятия «общепризнанные принципы и нормы международного права», содержащееся в постановлении Пленума Верховного Суда от 10 октября 2003 г. «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ», сомнительная критика позиций ЕСПЧ с точки зрения их соответствия ст. 31 Конвенции о праве международных договоров 1969 г., изложенная в постановлении Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. по делу о проверке конституционности ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека».

Еще одной проблемой является «белый шум»: наряду с глубокими его исследованиями Л. П. Ануфриевой, В. В. Гаврилова, Б. Л. Зимненко, С. Ю. Марочкина существует много поверхностных работ.

Большую перспективу для эволюции отечественной доктрины дает право Евразийского экономического союза, которое, как и право Европейского союза, представляет собой обособленный региональный правопорядок, развивающийся по своим законам. Так, в последние годы появились серьезные исследования различных аспектов права ЕАЭС, прежде всего связанных с деятельностью Суда ЕАЭС (Т. Н. Нешатаева, А. С. Исполинов, А. С. Смбатян и др.).

Проведение евразийских исследований, однако, затруднено рядом проблем.

Проблемы *первой группы* связаны с несовершенством нормативной базы Союза: базовые документы содержат противоречия, пробелы, неточности или просто написаны плохим русским языком. Многие вопросы не решены (не определены объем понятия «право Союза», порядок взаимодействия Евразийской экономической комиссии с хозяйствующими субъектами и др.). Неизбежным следствием дефектов первичного права являются дефекты решений Комиссии и Суда ЕАЭС, анализ которых становится крайне сложной задачей.

Проблемы *второй группы* вызваны несовершенством институциональной структуры Союза, архитекторы которой, кажется, так и не смогли сформировать целостное видение его природы: является ли он улучшенной версией СНГ или по-настоящему наднациональным образованием?

Проблемы *третьей группы* обусловлены деятельностью Суда ЕАЭС, первый этап которой оказался, скорее, неудачным: Суд часто и не всегда обоснованно выносил активистские решения. По всей видимости, именно поэтому он был лишен ряда важнейших компетенций (прежде всего, преюдициальной) в силу Договора о ЕАЭС

2014 г. И сегодня будущее Суда (а значит, и перспектива судебного содействия интеграционному импульсу) видится не в самом лучшем свете. Ситуация усугубляется тем, что перечисленные проблемы практически не раскрываются в научных текстах, большая часть которых содержит общую и далекую от действительности апологетику интеграции.

Институциональная среда отечественной доктрины деградирует; симптоматика деградации обширна и разнообразна. Наука сосредоточивается преимущественно в Москве, некогда сильные региональные школы (Екатеринбург, Казань, Санкт-Петербург, Томск) приходят в упадок, предпосылки возникновения новых научных центров отсутствуют. Преемственность поколений разорвана: доктрина представлена учеными, взгляды которых сформировались в советскую эпоху, и молодыми людьми, защитившими диссертации в последние 10–15 лет. Представителей среднего поколения, выполняющих функцию связующего звена и генерирующих свежие идеи, почти нет. В условиях отсутствия внутренней конкуренции и упадка корпоративных традиций академическая среда привлекает лиц, не имеющих специального образования, – выпускников школ милиции, военных училищ, непрофильных вузов, исторических и экономических факультетов. Политика Министерства образования приводит к тому, что большинство ученых вместо того, чтобы читать и писать научные тексты, разрабатывают бессмысленные методические материалы и соревнуются за количество публикаций и величину индекса Хирша. Речь идет уже не столько о дефиците времени, необходимого для работы, сколько о системном вытравливании навыков научного анализа. Связи с постсоветскими республиками ослабевают (страны Средней Азии) или полностью разрываются (Прибалтика, Украина). Не лучшие времена переживает Российская ассоциация международного права: ее собрания все в большей степени утрачивают привлекательность. Малозаметна деятельность центров Академии наук, их будущее в свете проводимой реформы выглядит туманным.

Ученый не может эффективно работать в таких условиях: он превращается в ремесленника, уезжает работать за границу, уходит из академической сферы. Институциональная деградация прогрессирует: пространство здравого смысла свертывается со все возрастающей скоростью.

Традиционное отечественное научное мероприятие состоит из серии докладов и выступлений, в которых подобранные по чину докладчики излагают тезисы, изначально не предназначенные для верификации в ходе научного диалога. Аудитория, как правило, лишена возможности задать вопросы, а докладчик – возможности определить реакцию аудитории. Целями участия в таких мероприятиях становятся праздное любопытство, стремление установить деловые контакты, составление научного отчета, освоение бюджетных средств, академический туризм – все что угодно, кроме первой и главной цели – непосредственного научного общения. В итоге многие ученые, мнение которых могло бы представлять интерес, будучи изложенным как в форме доклада, так и в форме вопроса, избегают участия в таких мероприятиях, справедливо воспринимая их как профанацию. Зарубежные научные мероприятия организуются по другим стандартам: на обсуждение доклада выделяется не меньше времени, чем на сам доклад (а часто даже больше). Доклад, таким образом, становится публичной защитой выдвигаемых идей, предъявляющей строгие требования к компетенции докладчика и аргументированности тезисов.

Неэффективность российских научных мероприятий обусловливается не только их форматом, но и новой университетской политикой, ориентированной на увеличение количественных показателей. Каждый университет считает своим долгом организовывать как можно больше мероприятий: предполагается, что таким образом он повышает свой статус. В результате вместо интенсификации научного общения происходит его распад: ни одно из сотен мероприятий не обеспечивает уровень представительства, необходимый для постановки общих задач и выработки общих позиций.

Отдельно следует отметить проблему игнорирования российскими форумами актуальных практических проблем (дело ЮКОСа, воссоединение Крыма и России, война в Сирии, дела «Arctic Sunrise» и др.).

Качество отечественных научных текстов по международному праву низко по сравнению с качеством не только западных текстов, но и текстов советского периода. Их характерными недостатками являются: пересказ положений официальных документов (объем такого рода заимствований порой больше объема авторского материала); констатация под видом открытий очевидных фактов; выдвижение сомнительных, часто утопических предложений; навязчивая антизападная риторика; частое цитирование политических деятелей и отыскивание в их словах глубокого смысла; неиспользование современного научного инструментария; злоупотребление стереотипами, в частности почти ритуальное упоминание прав человека; отсутствие серьезных экономических, социологических, исторических выкладок; неиспользование иностранной доктрины и судебной практики; избыточная схоластичность (пристрастие к выстраиванию определений и классификаций); речевые дефекты (смешение стилей, использование громоздких формулировок, непоследовательность изложения); игнорирование фундаментальных проблем, неспособность к их постановке и решению. Ситуация усугубляется тем, что в результате введения новых требований к трудовому договору и защите диссертаций опубликование научных текстов стало *обязанностью* преподавателей, в том числе тех, кто не имеет к этому способностей.

В целом отечественные научные тексты не обеспечивают формирования полных и всесторонних знаний; не поддерживают серьезные научные дискуссии; часто образуют псевдонаучный дискурс, дезориентирующий студентов и отторгающий глубокие исследования. Для многих выходом из положения является обращение к зарубежным работам; их использование, однако, поднимает свои проблемы: невозможность полноценного участия в дискуссии, генерирование интеллектуальной пассивности, деградация юридического языка, фрагментация знаний и пр.

Серьезного анализа требует ситуация, связанная с защитой диссертаций по международному праву. С 2009 по 2013 г. по специальности 12.00.10 «Международное право» защитились 19 докторов и 227 кандидатов наук[1]. Согласно данным официальных сайтов, с 2015 по апрель 2016 г. на защиту в МГИМО были представлены шесть диссерта-

[1] Для сравнения: по специальности 12.00.01 «Теория государства и права» были защищены 95 докторских и 964 кандидатских диссертаций; по специальности 12.00.02 «Конституционное право» – 65 докторских и 756 кандидатских; по специальности 12.00.03 «Гражданское право» – 60 докторских и 1203 кандидатских; по специальности 12.00.08 «Уголовное право» – 55 докторских и 1018 кандидатских (*Пахомов С. И.* О функционировании сети диссертационных советов по юриспруденции: презентация, представленная в ходе Координационного совещания руководителей диссертационных советов по юриспруденции (Саратов, 24 мая 2014 г.).

ций[1]; в РУДН – 15[2]; в МГЮА – четыре[3]; в РАП – одна[4]; в ИГПАН – три[5]; в ИЗИСП – три[6], в Дипломатическую академию – три[7] (итого – 35). Наиболее острыми здесь являются следующие проблемы.

Во-первых, многие диссертации (возможно, большинство) защищаются людьми, не работающими в науке или преподавании: защита нужна им для самореализации и повышения социального статуса. Таким образом, защита перестает быть научным событием и становится услугой, оказываемой научным сообществом заинтересованному потребителю.

Во-вторых, диссертации часто содержат выводы, которые сложно признать новыми и научными. Речь идет о констатации очевидных фактов, новых определениях старых понятий, введении сомнительной терминологии и др. Новизна некоторых диссертаций состоит исключительно в переносе зарубежных теорий на отечественную почву[8].

В-третьих, тематика диссертаций характеризуется серьезным дисбалансом. Из 35 диссертаций, представленных на защиту за последние полтора года, в девяти исследуются проблемы прав человека, а в десяти – проблемы экологического права. Таким образом, в большинстве диссертаций рассматриваются проблемы всего двух

[1] «Международно-правовые механизмы обеспечения безопасности обращения лекарственных средств»; «Международно-правовые аспекты выплаты компенсации при разрешении инвестиционных споров государств»; «Конкурентное право ЕС и соблюдение прав человека»; «Особенности имплементации права ЕС о прямом налогообложении»; «Взаимодействие Суда ЕС и ЕСПЧ по делам о защите прав человека после Лиссабонского договора»; «Взаимодействие международного экологического и международного экономического права».

[2] «Международно-правовые основы обеспечения экологической безопасности в регионе Юго-Восточной Азии»; «Право на здоровье в современном международном праве»; «Международно-правовая охрана окружающей среды в ситуациях вооруженных конфликтов»; «Международно-правовые аспекты ответственности в области космической деятельности»; «Перспективы международно-правового регулирования аэрокосмической навигации»; «Право человека на высшее образование по международному праву и проблемы его обеспечения в условиях глобализации»; «Региональные и субрегиональные правовые механизмы защиты окружающей среды в Африке»; «Международно-правовые аспекты защиты дипломатических агентов»; «Институт реадмиссии в международном праве»; «Международно-правовые аспекты укрепления системы договорных органов по правам человека»; «Противодействие актам ненадлежащего использования гражданской авиации: международно-правовые аспекты»; «Международно-правовое регулирование природопользования и охраны окружающей среды в субрегионе ЭКОВАС в условиях глобального изменения климата»; «Мирное использование атомной энергии и защита окружающей среды: международно-правовой анализ»; «Соглашение об учреждении зоны, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии в свете международного права»; «Международно-правовая защита прав женщин в Африке».

[3] «Правовое регулирование полицейского сотрудничества в ЕС»; «Международно-правовое регулирование рационального использования пресной воды»; «Соотношение „права ВТО“ и национального права государств-членов»; «Правовые аспекты деятельности ЕС в области противодействия незаконному обороту наркотиков».

[4] «Международно-правовое регулирование создания Евразийского экономического союза и способа разрешения споров».

[5] «Уголовная ответственность должностных лиц государства за преступления по международному праву»; «Поощрение и защита прав инвалидов в международном праве»; «Международно-правовая охрана объектов подводного культурного наследия».

[6] «Агрессия как международное преступление»; «Взаимодействие судебных органов на европейском пространстве: вопросы теории и практики»; «Взаимодействие норм международного и национального права в сфере охраны экологических прав коренных народов».

[7] «Современные особенности регулирования экстрадиции в международном праве»; «Международно-правовой режим иностранных инвестиций»; «Права человека в вооруженных конфликтах: соотношение норм международного гуманитарного права и международного права прав человека».

[8] Вопрос о научной ценности таких диссертаций нуждается в дополнительном обсуждении: с одной стороны, их научный уровень часто превосходит научный уровень работ, основанных на отечественном материале, с другой – они являются *адаптациями*, а не самостоятельными исследованиями.

отраслей международного права. Половина диссертаций, защищаемых в МГИМО и МГЮА, посвящена праву ЕС, и этот факт не поддается разумному объяснению в свете неучастия России в ЕС и почти полного пренебрежения проблематикой евразийской интеграции (одна диссертация, защищенная в РАП). Исследования, затрагивающие проблемы теории, истории и философии международного права и проблемы его общей части, практически не проводятся.

В целом отечественная доктрина международного права переживает глубокий кризис. Он обусловлен различными причинами как объективного, так и субъективного характера: *во-первых*, неадекватностью современного международного права тем глубоким трансформациям, которые переживает мир, неспособностью доктрины воспринимать их, оценивать и контролировать; *во-вторых*, общей деградацией интеллектуальной сферы в результате политических, экономических и идеологических изменений, связанных с распадом СССР; *в-третьих*, губительной образовательной политикой, направленной на последовательное разрушение лучших советских традиций и поощрение симуляций; *в-четвертых*, пассивностью самих университетов, оказавшихся неспособными противостоять вредоносному воздействию; *в-пятых*, недостатком консолидации, ответственности, добросовестности и внимания самой научной корпорации.

Отдельный ученый (и научная корпорация в целом) не в состоянии противодействовать всем этим вызовам: в отношении первых четырех он может лишь сформировать и заявить активную личную позицию. Только пятая проблема может быть предметом его непосредственной заботы. В связи с этим следует поставить и решить следующие задачи: разработка системы «мягких» аргументов; изучение новых теоретических подходов; обращение к недоговорным источникам; повышение уровня рациональной аргументации; преодоление тематического дисбаланса; изменение формата научных мероприятий; предъявление более строгих требований к качеству текстов и др. Реформа доктрины имеет шансы на успех, только если ее необходимость будет осознана крупными университетами, научно-исследовательскими институтами и наиболее авторитетными учеными.

Библиография

Kennedy D. International legal structures. Baden-Baden, 1987.
Mälksoo L. Russian Approaches to International Law. Oxford, 2015.
Общие принципы права» в международном праве // Избранные труды: в 2 кн. Киев, 1989. Кн. 2.
Фуко М. Археология знания. СПб., 2004.

Bibliography

Fuko M. Arxeologiya znaniya. SPb., 2004.
Kennedy D. International legal structures. Baden-Baden, 1987.
Mälksoo L. Russian Approaches to International Law. Oxford, 2015.
Obshhie principy prava» v mezhdunarodnom prave // Izbrannye trudy: v 2 kn. Kiev, 1989. Kn. 2.